

Уже его дядя Иоанн Грамматик, воспитатель императора Феофила и крупнейший идеолог иконоборческой политики этого императора, был, повидимому, по своему научному направлению предшественником Льва. Иоанн был ученым человеком своего времени. За свои большие познания он, — как это обычно имело место в византийской и вообще в средневековой историографии, — был заклеямен монашеской историографией как чернокнижник и колдун. Хронисты рассказывают, что в погребе загородного дома своего брата он устроил род лаборатории, в которой производил свои опыты, окутанные в глазах современников глубокой тайной.¹ Магом и чернокнижником считали и Фотия.

Ростки этого нового течения научной мысли показывают, с одной стороны, возвращение интереса к изучению наследия античности и, с другой — интерес к научно-практическому исследованию окружающей природы. Они были, очевидно, органическим следствием того удара, который был нанесен центру богословской науки первыми иконоборцами. Подобно тому как в общественно-экономической жизни Византии VIII в. проведенное императорами-иконоборцами ограничение монастырского землевладения сыграло благотворную роль, аналогичное явление имело место и в интеллектуальной области.

¹ Ф. И. Успенский. Патриарх Иоанн VII Грамматик и Русь-Дромиты у Симеона магистра. ЖМНП, т. 267, 1890, январь, стр. 1—16. Ф. И. Успенский отмечает: „Как в летописях, так и в литературе житий Иоанну усвоается характер необыкновенного человека... Хергенрейтер, приводя и объясняя записанные в летопись сказания о сверхъестественных чертах в житии патриарха Фотия (В. I, S. 325), находит возможным при этом и нашего Иоанна и знаменитого ученого конца X и начала XI в. Герберта или папу Сильвестра II. По господствующему у большинства современников воззрению, все эти лица повинны в одном и том же грехе, и объяснение сложившейся о них молвы нужно искать в их необыкновенных и поразительных для большинства познаниях“ (стр. 6—7).